

ОЛЕГ МОРОЗ: ПРИНИЗИТЬ ГАЙДАРА

Известный экономист и публицист Андрей Илларионов разместил на сайте [«Грани.ру»](http://Грани.ру) статью под названием «Настоящий реформатор».

Статья посвящена памяти Бориса Федорова. Этот человек, к сожалению, рано умерший, действительно заслуживает доброй памяти: замечательный экономист, финансист, он сыграл важную роль в проведении российских либеральных реформ – входил в правительства Ивана Силаева и Виктора Черномырдина, в первом был министром финансов, во втором еще и вице-премьером. Но смысл статьи Илларионова не только и не столько в том, чтобы сказать доброе слово об этом человеке, сколько в том, чтобы противопоставить его Егору Гайдару. Об этом говорит уже название статьи – «Настоящий реформатор»: вот Борис Федоров, по мнению автора, был действительно настоящим, а Егор Гайдар, да и все его правительство – как бы и ненастоящими. Так что напрасно столько почестей отдают Гайдару, отдавать их надо совсем не ему...

Чем же плох Гайдар, по мнению Илларионова? А тем, что в тот критически важный для России период – в 1992 году и во время своего второго, короткого, пришествия в правительство осенью 1993-го не умел противостоять лоббистам, налево и направо раздавал бюджетные деньги, разгоняя инфляцию, подталкивая страну к пропасти гиперинфляции.

Интересны наблюдения, которые приводят автора к такому заключению. Вот одно из них. Однажды Илларионов оказался в кабинете Гайдара на Старой площади. «Во время разговора, – пишет он, – дверь открылась и в кабинет с папкой документов вошел один из ближайших помощников Гайдара. Тот оторвался от нашего разговора, подошел к своему столу, просмотрел принесенные бумаги и подписал их. Из короткого обмена репликами с помощником стало ясно, что в документах речь шла о выделении просителям бюджетных средств. Отработанность и будничность действий обоих говорила о многократной повторяемости, совершенной рутинности происходившего на моих глазах».

Вот и все. И вывод готов: Гайдар безостановочно, постоянно, «рутинно» подписывал распоряжения о выдаче денег. Это ведь и ежу ясно, поскольку его движения, когда он подписывал бумаги, были «отработанными и будничными». Вот если бы они были какими-то другими, не такими отработанными и будничными, тогда другое дело. И совсем не обязательно знать, кому и сколько денег выдавал Гайдар, на какие нужды.

Или еще одно доказательство, как слабо, Гайдар сопротивлялся домогательствам. На одном из семинаров, где присутствовал Илларионов, Гайдар, по утверждению автора, говорил так: "Если к вам приходит один лоббист и просит денег, вы можете ему отказать. Если к вам приходят второй, третий, пятый лоббист, вы им тоже можете отказать. Но когда к вам приходят пятнадцатый и двадцатый, вы отказать не можете и даете им денег".

И что? Во-первых, если и.о. премьера дает деньги не каждому просителю, а одному из пятнадцати – двадцати, может быть, это не так уж и расточительно (опять-таки надо смотреть, кому, сколько и на какие цели даются деньги)? Во-вторых, возможно, Гайдар все это говорил в шутку, словно бы рассказывал анекдот. Наконец, в-третьих, не исключено, что он и вообще ничего такого не говорил, а излагал все как-то по-другому. Кто это может подтвердить? Самого Гайдара уже более года нет в живых.

При его жизни я довольно часто разговаривал с Егором Тимуровичем – и для газеты, в которой работал, и когда писал книги (продолжаю их писать), и просто так... И могу

свидетельствовать: у него был твердый принцип – никогда не передавать, как говорится, третьему лицу чьи-то услышанные им в частном порядке слова, особенно если они могли бросить тень на произнесшего их человека. «Вы извините, – говорил он в таких случаях – но я не спрашивал разрешения у... (называется имя) пересказывать кому-либо сказанное им». По-видимому, г-н Илларионов не придерживается такого принципа.

В отличие от Гайдара Борис Федоров, по словам Илларионова, стоял как стена на страже бюджетных денег: «Его просили, умоляли, пытались купить, ему угрожали. Для обеспечения финансовой стабилизации он пользовался любой политической возможностью... Федоров сражался как былинный богатырь, последовательно отрубая головы инфляционному дракону. Он отстаивал свою позицию, убеждал, приводил аргументы, взывал к разуму и совести, уговаривал, ругался, наступал, совершал маневры, формировал союзы, изворачивался, скрывался, уходил в несознанку, притворялся больным, болел по-настоящему».

Вот так. Борис Федоров добивался финансовой стабилизации, а Егор Гайдар только и делал, что ее срывал. Странно как-то слышать это от человека, который был в то время и правительственным экспертом, да и вообще находился рядом с главными событиями, рядом с теми, кто принимал решения. Хорошо известно: именно Гайдар с самого начала реформ был ГЛАВНЫМ ИДЕОЛОГОМ жесткой кредитно-денежной политики, нацеленной на достижение этой самой финансовой стабилизации. Это было стержнем его экономической политики. А то, что время от времени ему приходилось отступать от нее, неоправданно давать кому-то бюджетные деньги, так, думаю, и Федоров отступал, не так уж он был в этом смысле идеален, как изображает его Илларионов. Все мы люди, все мы человеки... И пытаться подсчитывать, кто отступал чаще, – занятие бессмысленное. Так же, как бессмысленно и сравнивать, на кого оказывалось большее давление – на Бориса Григорьевича или на Егора Тимуровича. Думается, Егора Гайдара как фактического главу правительства прессовали, по крайней мере, никак не меньше, чем Бориса Федорова.

Вообще не стоит забывать, что 1992 – 1993 годы в России были годами ожесточенной, не на жизнь, а на смерть, борьбы между реформаторами, прикрываемыми Ельциным, и противниками реформ во главе с Хасбулатовым и Руцким. Законодательной ситуацией владели антиреформаторы, имевшие большинство в Верховном Совете и на Съезде. Они спокойно отменяли ельцинские указы, блокировали вносимые им законопроекты. Преодолевали президентское вето. Так что, оценивая сегодня, кто в правительстве действовал более, а кто менее успешно, нельзя не учитывать силу сопротивления хасбулатовцев в тот или иной период. Порой Ельцину удавалось достичь кратковременного компромисса с его противниками, и тогда их сопротивление на какой-то срок ослабевало. Потом возрастало с новой силой. Учесть все эти нюансы, обеспечить, как говорится «чистоту эксперимента» сегодня практически невозможно. Да г-н Илларионов и не пытается это сделать, когда оперирует различными цифрами, которые, по его мнению, должны доказать, что Федоров работал хорошо, а Гайдар плохо.

Чтобы было более понятно, о чем речь, приведу такой пример (он, не сомневаюсь, хорошо известен Илларионову, но приведу его для читателей). В конце июля 1993-го хасбулатовцы, несмотря на противодействие президента и правительства приняли бюджет на ТЕКУЩИЙ, 1993-й, год с чудовищным дефицитом – 22,6%. Очень хотелось «облагодетельствовать» население безудержными расходами и в очередной раз «подставить» реформаторов. Если бы пришлось этот бюджет исполнять, если бы Ельцин вскоре не разогнал Верховный Совет и Съезд, неминуемо разразилась бы гиперинфляция и последовал социальный взрыв. Так что сегодня какой-нибудь глубокий и «объективный» аналитик вполне мог бы написать: «О качестве работы тогдашнего министра финансов г-на Федорова говорит хотя бы то обстоятельство, что осенью 1993 года он допустил катастрофический всплеск инфляции»...

Однако Ельцин пресек эту очередную хасбулатовскую диверсию и освободил Бориса Федорова от будущих несправедливых упреков.

Неучет реальных обстоятельств, реальной обстановки, общественной, политической атмосферы, в которой происходили те или иные события, – вообще распространенная черта среди тех, кто критикует Гайдара. Собственно говоря, такая критика, абстрагирующаяся от обстоятельств, началась с первых дней гайдаровских реформ. На некоторые критические выпады Гайдар отвечал. Со многим из того, в чем упрекали его оппоненты, он был согласен. Теоретически. Но делал вот эту самую оговорку: надо ведь учитывать реальную обстановку. Например, вскоре после либерализации цен известный экономист академик Николай Петраков заявил, что цены ни в коем случае нельзя было размораживать, не создав предварительно значительные запасы товаров. – Мне хочется спросить его, – отвечал на это Гайдар, – как можно было В РЕАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА (выделено мной. – О.М.), во-первых, не размораживать цены (они разморозились сами собой), а во-вторых, накопить какие-то запасы? Как это можно было сделать реально? Кого повесить, кого расстрелять? Кого простимулировать?

Ну, а сейчас-то, спустя двадцать лет, в совершенно иной, спокойной, обстановке – просители к тебе не рвутся, «вертушки» молчат, на стол к тебе не кладут прошения лоббистов с разрешительными президентскими резолюциями (и президент нередко перед лоббистами «проседал»), каждое твое решение не сталкивается с тотальным саботажем, за окнами не буйствует толпа коммунистических «отморозков», – сидя сейчас в тишине перед компьютером в своем кабинете и попивая кофе, «долбать» Гайдара, так и сяк «раскладывать» его на составные части – вообще одно удовольствие. Вот надо было сделать так, а он сделал совершенно не так. Вот надо было сделать, как сделал Бальцеревич в Польше... Между тем хорошо известно, что польский реформатор Лешек Бальцеревич и Егор Гайдар были друзья, Егор Тимурович часто сверялся с тем, что и как делал его польский коллега, прошедший по дороге реформ несколько раньше его, хотя все повторять вслед за ним было невозможно: мы увязли в коммунистической трясине гораздо глубже, чем поляки.

Илларионов пишет: «Главным экономическим результатом деятельности гайдаровского правительства и самой большой угрозой для страны тогда была инфляция, державшаяся на уровне 25% в месяц...» Во-первых, что значит «главным результатом»? Будто ничего другого и не было сделано. Будто страна благодаря «деятельности гайдаровского правительства» не стала совершенно другой. Что касается величины инфляции... Неосведомленный читатель может понять так, что в начале реформ она была совсем маленькой, а «гайдаровское правительство» ее разогнало до немислимых высот. На самом деле, сразу после начала реформ, последовал, как и ожидалось, шоковый всплеск инфляции – до 40% в месяц. Правда, в мае ее удалось понизить до 12%, однако в дальнейшем, из-за вынужденных обстоятельств, ее вновь пришлось отпустить, хотя и не до «шокового» уровня. В оставшиеся месяцы 1992 года, при Гайдаре, и в 1993 году, при Федорове, она колебалась где-то на уровне 20-25% в месяц. Так что никакого «главного экономического результата деятельности гайдаровского правительства» в этом не было. Всплеск до 50% в декабре 1992-го, который Илларионов также ставит в укор Гайдари, произошел при передаче эстафеты от Гайдара к Черномырдину: до 14 декабря, когда Гайдара сняли, шел смертный бой на съезде с Хасбулатовым и Ко, было не до инфляций, а после 14-го Гайдар уже не работал, «пошел отсыпаться», как он сказал. На вахту заступил Черномырдин, «красный директор», которому долго пришлось осваивать азы рыночной экономики.

«Большая заслуга» в разгоне и поддержании инфляции на высоком уровне (через наращивание денежной эмиссии) принадлежала Виктору Геращенко, ставшему председателем Центробанка в июле 1992 года. Илларионов и тут возлагает вину на Гайдара: дескать, он «встал насмерть» против того, чтобы на этот пост был назначен тот же Борис Федоров, настоял, чтобы его занял Геращенко. Однако история с этим назначением достаточно хорошо известна, она не раз излагалась в печати, в том числе и самим Гайдаром.

Назначение руководителя ЦБ в ту пору было прерогативой не правительства, а Верховного Совета. Правда, чтобы тот или иной деятель занял этот пост, требовалось, разумеется, согласие главы кабинета (а Гайдар к тому времени был уже и.о. премьера) и тем более президента. Когда стало ясно, что прежний руководитель ЦБ Георгий Матюхин должен будет покинуть свой пост (скандал с чеченскими авизо и проч.), Гайдар не сразу решил, кого бы он мог поддержать как кандидата ему на замену. Было ясно: кандидаты, которые полностью устраивали бы реформаторов, – такие, как Борис Федоров или нынешний председатель ЦБ Сергей Игнатьев, – абсолютно неприемлемы для руководимого Хасбулатовым Верховным Советом (Егор Тимурович специально прозондировал тут почву). Тогда и возникла фигура бывшего председателя Госбанка СССР Геращенко. Демократы относились к нему настороженно, если не сказать больше: бывший главный советский банкир активно участвовал в «павловских авантюрах», припрятывал, по слухам, за границей «деньги КПСС», фактически поддержал ГКЧП... Однако квалификация его вроде бы не вызвала сомнений. Это-то в конце концов и решило дело. После беседы с Геращенко Гайдар согласился на его назначение.

«Видимо, это самая серьезная из ошибок, которые я допустил в 1992 году, – признавался позднее Егор Тимурович. – Утвержденный Верховным Советом, Геращенко действительно довольно быстро показал себя квалифицированным управленцем, сильным организатором. Банк при нем стал работать намного более четко, слаженно, снизились сроки прохождения платежных документов. Но все это перекрывалось одним фундаментальным негативным фактом: Виктор Владимирович категорически не был готов понять аксиомы банковского управления экономикой в условиях инфляционного кризиса. Он был искренне уверен в том, что, увеличивая темпы роста денежной массы с помощью эмиссии, можно поправить положение в экономике. Много раз впоследствии слышал от него примерно следующее рассуждение: ну, смотрите – цены выросли в четыре раза, а денежная масса только в два, значит, денег в экономике не хватает, производство падает именно из-за нехватки денег, давайте увеличим темпы роста денежной массы, предоставим кредиты республикам, предприятиям. Спорил с ним, приводил контраргументы, доказывал порочность подобной политики, доказывал общеизвестное – падение спроса на деньги как раз и является естественной реакцией на инфляционный кризис, масштабную денежную эмиссию. Но переубедить человека, у которого сложились твердые, укоренившиеся представления о взаимосвязях в рыночной экономике, очень непросто. Внутренне он не мог принять иную точку зрения».

Так что Гайдар вовсе не был инициатором назначения Геращенко – он лишь вынужден был СОГЛАСОВАТЬ это назначение, в чем потом горько раскаивался. Фактически Геращенко стал действовать в тесной связке с утвердившим его хасбулатовским Верховным Советом, то есть как мог противодействовал реформам.

Еще более нелепо звучит тезис Илларионова будто Гайдар «стоял насмерть» против назначения руководителем ЦБ Бориса Федорова – как уже сказано, Егор Тимурович всего лишь трезво оценивал обстановку: Верховный Совет костыми ляжет, но не пропустит Бориса Григорьевича на этот пост.

Для чего все-таки Илларионову понадобилось «развенчивать» Гайдара? Вообще-то его «развенчивают» уже двадцать лет, с тех самых пор, как он обрел мировую известность, но вот как-то, видимо, все не «развенчают» окончательно, раз есть желание продолжать это малопочтенное дело.

Кстати, это уже не первая антигайдаровская публикация Илларионова. Не знаю, все ли мне известны, но вот была, например, его статья в газете «Ведомости» за 19 марта 2008 года, где он, среди прочего, сделал выдающееся открытие. Как известно, Гайдар в 1992 году до предела урезал все, какие только можно, госрасходы. Достаточно сказать, что он в 7,5 раза (!) сократил расходы на закупку вооружений (за это на его голову до сих пор сыплются проклятия), практически полностью прекратил безвозмездное финансирование бывших соцстран, чем с упоением занимались коммунисты... Но, по Илларионову, получается, что он довел бюджетные расходы в этом году до рекордной цифры – 70% ВВП, чем вызвал экономическую катастрофу. В отклике на эту статью под названием «Статистическая ошибка маститого экономиста» («Научный вестник» Института экономики переходного периода, №3 за 2008 год – <http://www.iet.ru/files/text/other/To%20Ill.pdf>) его коллеги-экономисты Л.Лопатников, В.Назаров и С.Синельников-Мурылев попытались терпеливо втолковать «маститому экономисту» г-ну Илларионову, что «приговор», который он вынес Гайдару, основан на фальсифицированных цифрах, на элементарных статистических ошибках. Однако в «Гранях.ру» он опять упрямо повторяет то же утверждение о беспрецедентном увеличении госрасходов, которое Гайдар якобы допустил в 1992 году.

Вот как-то все не желает г-н Илларионов слезть с однажды им оседланного антигайдаровского скакуна. Ладно бы еще ограничился дискуссией в каком-нибудь научном издании, где ему могут дать квалифицированный ответ, но его все тянет на широкую газетно-журнальную аудиторию, в Интернет-издания, – там сегодня тоже немало читателей. Вот тянет в «Ведомости», в «Грани.ру», в журнал «Континент», который пару лет назад поместил огромное интервью с Илларионовым, в значительной степени все на ту же тему – как Гайдар провалил реформы.

Так вот о возможных причинах его упорных «наездов» на Гайдара. Тут, на мой взгляд, возможны две: не исключено, что г-н Илларионов, как многие наши экономисты – тот же Явлинский – испытывает некий труднопреодолимый психологический комплекс в отношении Егора Тимуровича. У них всякий раз возникает какое-то смутное беспокойство при одном его имени: да как же так, да что вы все про него да про него, да что в нем такого в самом деле! Другая возможная причина: г-н Илларионов все больше превращается в публициста, в журналиста, и им постепенно овладевает известный журналистский синдром – во что бы то ни стало в каждой своей публикации выдавать что-то такое этакое, неожиданное, сенсационное, способное вызвать эпатаж, всколыхнуть читателей, тем паче, что читатели уже привычно всякий раз ждут от него этого.

В заключение еще одно... Статья Илларионова начинается с такого захода: «Какой-то неумолимый рок висит в России над порядочными людьми. Два года назад, в десятую годовщину гибели Галины Старовойтовой, умер Борис Федоров». То есть выстраивается такой ряд из порядочных людей: двенадцать лет назад была убита Галина Старовойтова, два года назад умер Борис Федоров... А вот Егор Гайдар, которому посвящена значительная часть статьи и годовщину смерти которого мы недавно отметили, в список порядочных людей, о которых следует скорбеть, уже как бы и не попадает. Так и предстают перед мысленным взором наши думцы, которые не соизволили оторвать свои задницы от теплых кресел, чтобы почтить память Егора Тимуровича.

Не думаю, что здесь специальный авторский умысел – скорее, наверное, просто некая небрежность. Но, полагаю, небрежность не случайная.

В общем весьма некрасивое и весьма недостойное дело затеял Илларионов – противопоставлять "настоящего реформатора" Бориса Федорова "ненастоящему" Егору Гайдару. Оба они были, царствие им небесное, НАСТОЯЩИМИ. А Гайдар к тому же останется в истории не только как настоящий реформатор, но и как "отец" российских либеральных реформ. Тут репутация его тверда и незыблема, ее не поколебать никакими мелкими, злобными, да к тому же беспричинными укусами.

Олег Мороз,
писатель, публицист

Эта статья первоначально была предложена для публикации «Граням.ру», где появилась статья А.Илларионова «Настоящий реформатор», однако редакция этого сайта отказалась ее публиковать.